

ГОСТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПОЛОСЫ

ПРОЛОЖИ СВОЮ ДОРОГУ

2 апреля в Москве начинаются гастроли Ленинградского государственного театра имени Ленсовета. «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Вишневый сад» А. Чехова, «Трехгрошовая опера» Б. Брехта и многие другие спектакли завоевали у зрителя признание. Своей популярностью театр в не малой степени обязан своему лидеру — главному режиссеру, народному артисту СССР, профессору Игорю ВЛАДИМИРОВУ.

Театральное искусство находится сегодня в стадии перестройки. Для многих трупп этот процесс протекает мучительно, болезненно. И потому беседа с Игорем Петровичем началась с разговора о переменах в деятельности театров.

— До тех пор, пока в преамбуле эксперимента первым пунктом не будет сформулирована специфика актерского труда, путаницы нам не избежать. Я подозреваю, что многие положения перестройки приходят к нам из промышленности: «воля коллектива», «бригада решает».

Наша жизнь начинается с выбора репертуара, пьесы, которая, подразумевает обязательную сопричастность к ней актера.

Режиссер видит, что актер «икс» уже четыре месяца ничем не репетирует. И если в этот момент обсуждается пьеса, поднимающая острые вопросы бытия, я с трудом могу поверить в то, что «икс», не участвуя в ней, проголосует за нее. В противном случае это было бы идеально.

— Так возникает конфликт?

— В этой ситуации каждый натягивает одеяло на себя, и в итоге все голые. Примеров, к сожалению, много. Один из них — Московский Художественный театр. Выдающийся театральный деятель, реформатор пытается построить новый театр и встречает сопротивление. Кто же в оппозиции? Актеры...

Право излагать свою точку зрения имеет каждый. Но нельзя путать функции, скажем, мужчины и женщины. Вот театр я рискнул бы сравнить с семьей. Режиссер — это мужская роль. Актер — женская. Мужчина — добытчик, хозяин. Он приносит пьесу. Он заботится о том, чтобы в доме был порядок, чтобы все были обуты, одеты, накормлены (понимай: у каждого прекрасная роль). Но образ рождает женщина, «жена». Если же она руководит «мужем», то... Примеры не надо приводить?

— Но ведь ясно, что и «глава семьи» не застрахован от ошибок.

— Ошибка? (Задумывается). Ведь вот вопрос: что принимать за ошибку. Я понял бы так. Собирается труппа и говорит: на вашей совести пять человек.

Почему они не заняты? Я отвечаю по каждому в отдельности. Мне в ответ так же конкретно приводят контраргументы. И выводы: пять творческих «смертей» по моей вине. А раз так — до свидания.

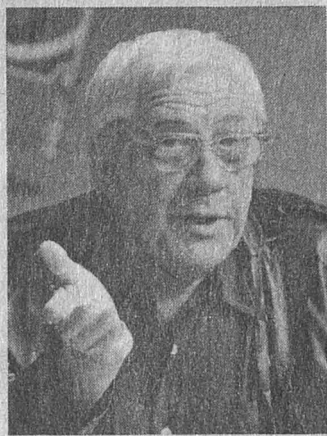
Понятно, что только на себя надеяться неверно. Время — это люди. Люди меняются, оценки меняются, они переворачивают саму жизнь. И я должен меняться. Но есть те, кто застыл и дальше не развивается, уверенный в своей непогрешимости. Я с ними уже не могу советоваться, а они — члены худсовета. А другой только появился в театре. Он несет в себе новое. Я вижу, что возможна попытка изменить почерк театра. Это же требует перестройки внутри труппы.

— По каким работам в середине восьмидесятых зритель может судить о переменах, происходящих у вас?

— Сегодня мы подпали под влияние Пушкина, который считал: какая может быть правда в театре, если одна половина играет, а другая смотрит. Мы сегодня не скрываем от зрителя, что он в театре. Подчеркнутая театральность вывела на первый план другого артиста. Гоголевские «Игроки» стали нашей визитной карточкой.

— Игорь Петрович, вы можете как-то объяснить ошибки критики? Она часто отвергает те спектакли, которые пользуются в дальнейшем наибольшей популярностью. Может быть, ошибается все-таки зрительское большинство?

— Зрители могут ошибиться раз, два. Но когда спектакль идет 15 лет... Критика чаще берет на себя функцию объяснить, что хочет зритель, и, как правило, этого не знает. Или отождествляет себя со зрителем. Критик же высказывает мнение профессионала, имеющего свою концепцию пьесы, но не анализ ее решения, который предлагаем мы. «Помощь» критики театру имеет своеобразный эффект. Ругая «Трехгрошовую оперу» в газете, автор выразил свою мысль:

«Это синкопированная эротомания». Один зритель не выдержал, постучал ко мне в дверь и спрашивает: «Прошло два акта, а когда же будет синкопированная эротомания?» Даже обиделся человек.

— Какие события культурной жизни этого года произвели на вас особое впечатление?

— Если говорить о театре, то мне близки театральные работы Захарова и Стурова.

Выставку в ленинградском Манеже я бы назвал крупнейшим событием первых месяцев года. Мы увидели подлинные шедевры из запасников Русского музея. Это полотна Врубеля, Малевича, Кандинского, Шагала, и представление о нашем отечественном искусстве стало приближаться к реальности. Что касается литературы, то здесь я могу быть необъективным: читая прозу, прикидываю, насколько она сценична. Перечитав недавно «Собаке сердце» Михаила Булгакова, обнаружил, что это почти готовая пьеса. Ее очень захотелось поставить.

Самое сильное последнее впечатление — от фильма «Покаяние».

— Если вы испытываете неудовлетворенность, в чем ее причина?

— Сегодня меня вот что беспокоит. Через два года после завершения эксперимента мы соберемся, выясним, что у кого хорошо, и сделаем из этого систему. А время-то идет, а система-то стоит... Я за вечный эксперимент. Каждый театр сам должен ставить перед собой задачи и самостоятельно их решать. А все вместе они достигнут успеха, но каждый продолжит к нему свою дорогу.

Вела беседу
Е. ТАРАСОВА.